

Янина ЖЕЛТОК

Природа неистощима

Мы зашли в гости к Юрию Плиссу, одному из самых значительных живописцев Одессы, чтобы поговорить с ним о меняющемся и вечном, об учителе и товарище Валентине Хруще и — в преддверии 8 Марта — о женщинах-художницах и женщинах-моделях.

— Юрий, Вы коренной одессит в нескольких поколениях?

— По отцу — да.

— Слышала, что в роду Вашем были французы.

— Может быть, были. Мы здесь все немного французы! (Смеется). Де-Рибас в своей книге упоминает художника по имени Семен Плисс — с одним "с". Но был он моим предком или нет — не знаю. Почему-то иногда снится Франция...

— Были там? Собираетесь?

— Не был. Хотя приглашали в один замок. Собираюсь много куда. Но уже много лет не могу добраться до Фонтанки. Порисовать, пофотографировать, впечатлиться, сблизиться с берегом. Берег на Фонтанке напоминает берег, каким он был в моем детстве.

— Где Вы жили в детстве?

— На улице Мечникова, старое название — Внешняя, около кинотеатра "Родина".

— Мне так нравится история о том, как Вы стали художником, нарисовав корабль.

— Был 1958 год, где-то так. Папа подарил мне корабль с моторчиком, с заклепками. Это была точная модель какого-то катера. Я его запускал и рисовал. Кто-то увидел рисунок и сказал, что я — художник. Тогда я запомнил это слово. В школе я уже был "профессионалом", друзья просили меня нарисовать что-то на парте — рисовал. Делал стенгазеты.

— Никаких вариантов стать кем-то еще? Космонавтом, например?

— Я раньше стал художником, чем Гагарин полетел в космос. (Смеется.) Юноши тогда хотели стать моряками, летчиками. Я два раза поступал в университет.

— В университет, чтобы стать кем?

— Я поступал на биологический факультет. И на геологический. Оба раза проспал! Не сложилось.

— Пишете с натуры? Бываете на этюдах?

— Да, очень это люблю. Французский художник Утрилло говорил, что нужно расстрелявать тех, кто рисует на пленэре. Шутил, я думаю. Действительно, невозможно зафиксировать состояние. Оно все время меняется. Природа изменчива. И все же сидеть на склоне и рисовать — так душевно!

— Хочу спросить про старые и новые сюжеты. Появились ли какие-то новые сюжеты в Вашем творчестве?

— Конечно, появляются новые. Надо вспомнить. Рисовал двери тогда, теперь я тоже рисую двери. Но они уже другие.

— Главный редактор предложил побеседовать с Вами на тему разрушения традиционной городской среды Одессы. Как вы это воспринимаете?

— Уффф. Хотелось бы говорить о чем-то более приятном. Разрушение — это зло.

— Но появление нового неизбежно...

— В каком-то смысле наш застой, запоздание цивилизации отразились благотворно на памятниках архитектуры. У нас они как-то сохраняются. Даже сейчас. В Москве, где я провел несколько лет, совсем не осталось тех же старых дверей. А у нас еще есть. Да, неприятные события происходят: город разрушается. Началось это давно.

— Вы переживаете по этому поводу?

— Если я буду расстраиваться — то мне все время придется только расстраиваться. В мире происходит столько всякого недоброго, столько нарушений... Но стоит ли мучить себя сознанием происходящих зол?

— Как по-вашему — одесская ситуация в целом ухудшается или улучшается?

— И то, и другое.

— В этом много оптимизма — не закидываться на одной стороне.

— Задача художника в том и состоит, чтобы остановиться на границе между плохим и хорошим. Отодвинуть этот ужас. И показать хорошее.

— Как Вы работаете?

— Светлую часть дня я пытаюсь посвящать живописи. Для живописи важен свет. Я столько времени отдал лампочному андеграундному освещению, что теперь очень ценю свет дня. Столько пришлось работать в подвалах! А вечером можно уже заняться графикой, тем, что не требует полного спектра.

— Когда я впервые зашла к Вам в гости, Вы жили в Отраде.

— Мы там снимали домик. Было замечательное время — 90-е годы. Промышленность затихла. Все остановилось после распада Союза и перестройки. Порой летом мы с сыном оказывались вдвоем на пляже. Полное запустение. Красота! Для экологии хорошо, когда перестают работать заводы.

— Крабики вернулись!

— Те крабики, которые были в моем детстве, так и не вернулись. Там были большие крабы, которыми мы питались порой. Тех я не вижу. Сейчас появляются новые виды, но живность приходит с кораблями из дальних стран...

— Расскажите про Ваши любимые места в Одессе.

— Побережье. Теперь оно меняется. Уже не такое, как в детстве. В детстве там были старинные сады на склонах, рельеф удивительный, как на китайском свитке. Горы и долины... Есть масса других симпатичных участков в самом городе. Поэтому я считаю, что надо документировать и фотографировать. Все стенания по поводу разрушения города не помогают. Надо фиксировать, пока есть места.

— А Староконный рынок Вы любите?

— Люблю по старой памяти. В детстве там часто бывал. Рядом жили друзья. На Мясоедовской была большая голубятня. Запускали голубей.

— Юрий, сколько времени уходит на одну работу?

— По-разному складывается. Несколько лет иногда подхожу к работе. Не попадает на глаза — могу забыть, что надо продолжать. Бывает и очень быстро — а-ля прима. Но дело не в скорости! И у знаменитых гранд-мастеров мне часто нравятся работы, сделанные быстро.

— Как возникают темы для работ?

— Вдруг что-то увидел. На кухне рыбу или яблоко — раз, изобразил.

— Расскажите, как родилась моя любимая работа: женский портрет в красном.

В комнате появляется Марина, жена Плисса. Марина и Юрий долго вспоминают работу, о которой я упомянула. Марина говорит: "Это портрет в кресле у Лисовского". Юрий продолжает:

— У Саши Лисовского было красное бархатное кресло, у Марины красное бархатное кресло — по цвету они сложились. Я сфотографировал Марину. Потом сделал наброски в мастерской. Кресло мы не выносили! (Смеется.) Марина мне позировала.

Марина говорит: "Лучше всего быть лежащей моделью! Спишь себе, а тебя рисуют!"

— Долго пришлось позировать? Мучили модель?

— Нет, я не такой мучитель, как некоторые художники. Модель становится скованной, если заставить ее долго позировать. Мне такой образ не нужен. А среди художников действительно встречаются мучители! Есть такой анекдот про Сезанна: он сажал модель на шаткий подиум, а когда модель пыталась шевельнуться, то просто падала на пол. Даже с важными господами так обходился.

— Юрий, получается, что Вы пользуетесь фотографией, когда делаете живопись?

— Да, фотография — это удобно. Она быстро фиксирует состояние. Живопись — другое. Там каждый участок проживаешь с кистью.

— Часто вижу Вас на "Фейсбуке". ФБ помогает или мешает?

— В принципе, "Фейсбук" — это удобно. Это возможность показать свои работы. Бывает, увлекаешься просто информацией, а лучше это время провести с кистью. Любопытно бывает получить отклик. Увидеть себя со стороны. Это касается и выставочной деятельности тоже. Выставки, конечно, отнимают время, порой сбивают с каких-то налаженных ритмов. Почувствуешь отклик — и порой просто приятно. Интересные встречи обязательно проходят на выставках.

— Ваши работы когда-то воровали?

— Да, еще в училище — художественно-театральном — исчезли мои работы. Букетики. Наверное, девушки забирали. Признаюсь, мне было это приятно.

— Этот выпуск газеты посвящен 8 Марта.

— Однажды я спросил одного француза: вы в Париже отмечаете 8 Марта? Он ответил так: у нас каждый день — 8 Марта. Хотелось бы, чтобы у женщин каждый день был праздником.

— Кому легче быть художником: мужчине или женщине?

— Девочки не менее талантливы, но им труднее себя проявить. Если художница ста-

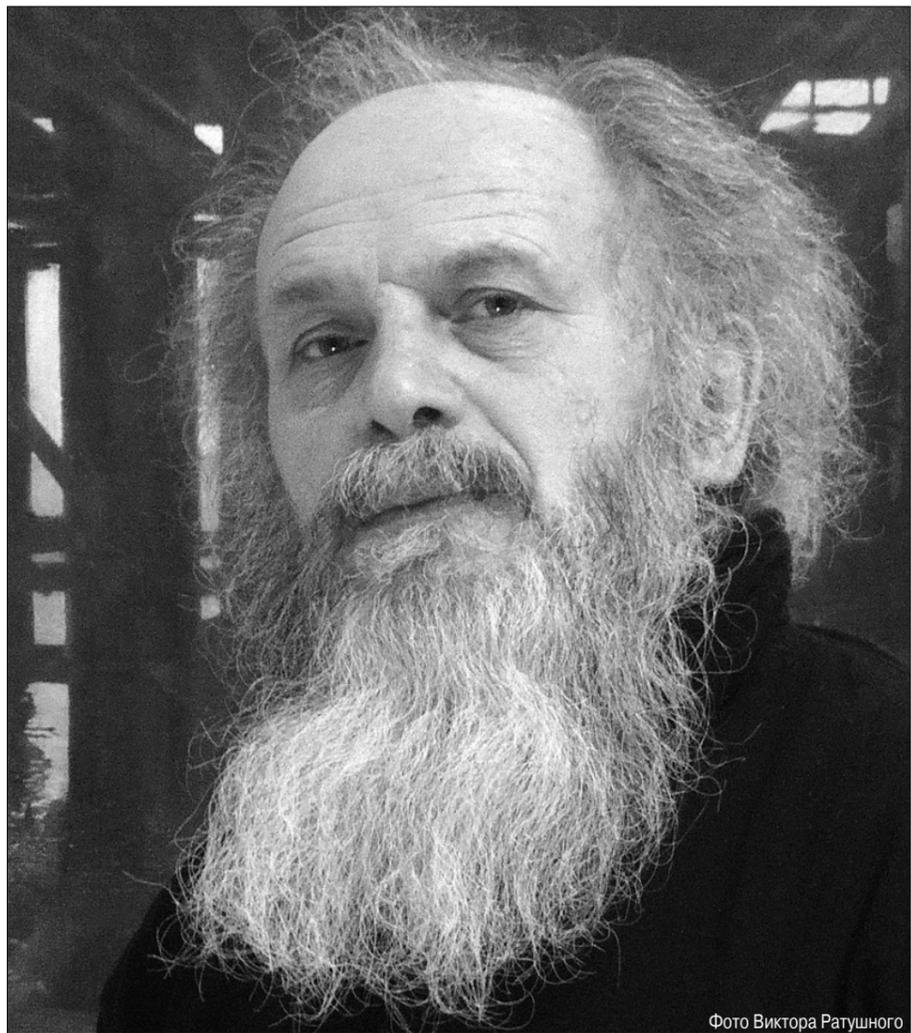

Фото Виктора Ратушного

новится матерью, ее основное творчество — растить дитя. Творческая энергия уходит туда.

— А как же Зинаида Серебрякова? У нее было четверо детей.

— В нашем Художественном музее есть несколько прекрасных ее картин. Судьба у Серебряковой трудная. Но современным художникам-женщинам тоже нелегко. Изначально у Зинаиды Серебряковой был хороший старт. Богатая аристократическая творческая семья. Она получила все в детстве и юности. Потом начались трудности. Сейчас часто неудачные обстоятельства начинаются прямо в детстве. Зеленого света нет. Хотя, конечно, нужно рассматривать каждый случай отдельно.

— Читала, что Хрущ был очень галантным, целовал ручки дамам. Кто-то писал в воспоминаниях, что он "был в принципе человеком воспитанным. Особенно с женщинами".

— Валя была очень галантным и заражал всех мужчин вокруг своей галантностью. Он же представитель рококо — галантного стиля. Это мало кто отмечает. Валя — представитель рококо ХХ века.

— Интересно, почему Хрущ уехал? Что его тянуло и утянуло в Москву?

— Была женщина... Те, кто был знаком с ним ближе, чем я, могут лучше рассказать. И еще одна женщина — известная художница Катя Медведева...

— То есть женщины его туда утянули?

— Да, женщины.

— Как Вы впервые встретились с Хрущом?

— Помню один из ранних эпизодов. Валя жил на Пантелеймоновской, а у меня была мастерская на Итальянском бульваре. И вот мы случайно встретились как-то ночью на перекрестке. Увидели собаку и рассматривали ее. Валя сказал: "Возьми друга!"

— Взяли собачку?

— Нет, не взял: дома жил очень воинственный кот Симафор, Сима. Смесь сиамаца с одесситкой.

— А у Хруща?

— У него был боксер крепкий. Как-то смешно он его звал. Балбес. Помню еще одну из первых встреч с Валей. Я пришел к нему в мастерскую, а он реставрирует кресло. Прекрасно отреставрировал. Показывал мне. Валя дерево знал и любил как никто. Много легенд ходило о его пристрастии к стамескам. У него была целая коллекция стамесок. Неоднократно встречались в Одессе, но подружился уже в Москве, в мастерских в Беляево.

— Что Хрущ делал в Беляево?

— Хрущ там заведовал художественными мастерскими и выставочной деятельностью. Он сколотил вокруг себя общества художников, можно сказать, содружество художников. Там были и москвичи, и одесситы приезжали. Заслуга Вали в том, что все художники очень уважительно относились к творчеству друг друга. Мы работали в мастерских под выставочным залом "Беляево". То, что делалось в мастерских, поднималось этажом выше, и проходили выставки всех, кто трудился в мастерских. Там прошла моя первая персональная выставка. Очень многому я научился у Вали, очень ему благодарен...

— Есть художники, которые не делают выставок. Известный пример — Божий. При жизни не состоялось ни одной персональной выставки Божия.

— Значит, у меня с выставками лучше, чем у Божия. (Смеется.) У меня сложились хорошие отношения с музеем Западного и Восточного искусства. Три большие выставки сделал там.

— Как прошла выставка "Причал" в музее Западного и Восточного искусства?

— Я доволен. Это была инициатива музея. Спасибо музею! Мне предлагали три зала внизу, но я взял два зала на втором этаже, которые никак не могут отреставрировать. Туда картины вписались лучше.

— Какое ваше любимое время года в Одессе?

— Люблю все времена года. И даже зиму. Все дни и все часы люблю.

— А у Хруща было любимое время года?

— Мне кажется, лето. Валя у меня больше ассоциируется с летом. Я приезжал к нему в Кимры зимой. Даже живя в Кимрах, он оставался летним одесским человеком. Он размышлял порой так, будто и не уезжал из Одессы. Думаю, в своей памяти он мог оказаться в любом месте города. У него была феноменальная, удивительная зрительная память. Однажды в Москве мы шли к одному коллекционеру, Валя не был там лет восемь. И вот Москва. Все дома одинаковые. Но по каким-то своим ориентирам Валя сразу нашел дом, который нам был нужен, среди типовых, одинаковых строений. Как ему это удавалось?

— Юрий, что Вас радует сейчас?

— Прямо сейчас сын Петя, который извлекает звуки из виолончели в соседней комнате. Много радует! Столько радостного!

— Поделитесь с читателями!

— Состояние жизни. Небо. Море... Деревья радуют, я их очень люблю. Старые дома. Старая Одесса. Трава. Цветы. Собаки. Коты. Природный мир. Природа неистощима.